

В малом зале Театра кукол на Спартаковской давали «Веселенькое кладбище», моноспектакль питерского, «александринского» артиста Игоря Волкова.

Многое об этом спектакле можно было вычитать из афиши, донельзя подробно расписанной. Например, что в бенефис русского драматического актера Игоря Волкова представлена будет пьеса, сочиненная самим бенефициантом по произведениям А. П. Чехова. Что представление пойдет в блистательной режиссуре К. Чернозёмова, а сценическое убранство выполнено по лучшим отечественным и западным образцам М. Воробейчиком. Что виртуозное владение вокалом продемонстрируют М. Хазанова и Н. Ивченкова, а Полина Горн — незабываемый концертмейстер. Что спектакль идет без суфлера, опоздавшие к началу будут отправлены домой, цены бенефисные, но доступные и расписание горячительных напитков с артистом во время спектакля категорически запрещается. Спектакль посвящается памяти провинциального актера И. Н. Пругера. А внизу невнятная приписка — дирекция театра ответственности за последствия бенефиса не несет.

Напрашивается ехидный вопрос: «А за что несет?» Напрашивается потому, что все вышеперечисленное можно было прочесть на афишах (!) зрительного зала. Будь вы не мной, а рядовым прохожим — ничто не навело бы вас на мысль о сегодняшнем представлении. В результате зрителями оказались двадцать пять особо посвященных. Жаль, жаль. Для полной, окончательной завершенности спектаклю не доставало лишь хохочущих и льющих слезы поклонников. В остальном — «Веселенькое кладбище» стилистически совершенно и расставляет предубеждение перед сомнительно модным словом «бенефис».

Хорошая литература. Невозможно остроумные, изящные чеховские тексты с алмазными вкраплениями Го-

При Рюрике и при царе Горохе

голя, Шекспира, Грибоедова. Драматически грамотную и точную композицию самого бенефицианта можно, воспользовавшись музыкальным жаргоном, назвать хит-альбомом, где все на «ура», ничто не мимо.

Далее, сценография. Афиша, пианино, груда костюмов, искусственный цветок — как бы дань традиции. А как бы дань новаторству — две стильно одетые (так принято одевать театральные героини начала века) певицы в качестве живописного элемента декора и музыкального оформления одновременно. Певицы, с их милыми, несильными голосами, исполняют жестокие романсы, старинные песни, мотивчики, ариозо. Они олицетворяют клубящуюся, томно-пряную, цветастую, сентиментально-пыльную атмосферу артистической богемы.

Обещанная блистательная режиссура К. Чернозёмова в самом деле блистательна, потому что ее как бы и нету вовсе. Хочется снять шляпу перед режиссером, который в эпоху режиссерского театра сделал свое присутствие идеально незаметным.

Если под силу вам воскресить в себе воспоминания о шекспировских шутах и актерах, львах гурычах синичкиных, счастливых и несчастных, и составить из них комбинированный портрет некоего Актера Актерича Трагифарсова, то вот о нем как раз и идет речь. Спектакль кажется составленным из самых общих мест жизни всех актеров, их всех возможных штампов, из банальнейших положений, как-то: артист — пьяница, фигляр, нищий, непонятно одаренный, неудачно женатый, преданный сцене, заложивший душу на любовь к искусству и т. д., и т. п. Что любопытно, классические тексты из «Горя от ума», «Ревизора», «Гамлета» иногда звучат как избитые цитаты, как те же самые банальности и общие места. Но самое любопытное, при том что трагическое и смешное здесь едва ли разделимы, искусство остается искусством, судьба — судьбой.

И персонаж Волкова, только что пьяненький, грязный, нахальный и жалкий, взмахнет длинными руками — и обернется прекрасным, вдохновенным, трагическим героем. Из штампов и банальностей складывается универсальный космос универсального, всех времен, актера, такой же случайный и истинный, как совпадение текста спектакля: «...В России вечно нищета и темнота... и погода противная — дождь, ветер дует... и при Рюрике так было и всегда будет...» — с реальным, в дни представления, лившим дождем.

Остается добавить, что бенефициант в свои тридцать три года, выпускник Щукинского училища, исколесивший немало провинций, всего лишь пару лет — оседлый петербуржец. Хороший ли актер? А можно ли быть в России плохим актером, если ты Качалов или Мочалов? Так и в случае с Игорем Волковым. Фамилия обзывает.

Инна КРАВЧЕНКО.